УДК 316.334.4
Оригинальная научная статья EDN AOAYMS

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПАТРИОТИЗМА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

А. М. Пихтелев
Саратовский военный ордена Жукова краснознаменный институт войск национальной гвардии, адрес: 410012, г. Саратов, ул. Московская, 158

Поступила в редакцию 09.01.2026

Поступила после рецензирования 15.04.2026

Принята к публикации 11.06.2026

Аннотация. *В условиях трансформации, происходящей в современном российском обществе, проблема институционализации патриотизма приобретает всё большую актуальность в социологии управления. В данной работе проводится исследование вторичного анализа социологических данных, нормативных правовых документов и отраслевых исследований, рассматривающих данный процесс. Автором констатируется, как именно патриотизм в России в постсоветский период трансформировался в механизм социального регулирования.*

Цель *работы заключалась прежде всего в теоретическом анализе и научном обосновании этапов институционализации патриотизма и как данная трансформация реализовывалась в деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардия). Теоретическая основа исследования включает институциональный, конструктивистский и функциональный подходы.*

Эмпирическую базу составили данные массовых опросов ВЦИОМ, исследования ФНИСЦ РАН, а также нормативные правовые акты МВД и Росгвардии. В статье отмечается, что институционализация патриотизма проходила в три этапа. Первый – восстановительный (2000–2012 гг.), второй – стихийно-консолидационный (2014–2016 гг.) и третий – этап идеологизации патриотизма (с 2016 г. по настоящее время). В Росгвардии патриотизм внедряется через нормативно-правовые, организационно-воспитательные и корпоративно-культурные механизмы.

Ключевые слова: *социология управления, патриотизм, институционализация, Росгвардия, социальное регулирование, гражданская идентичность, вторичный анализ, патриотические установки*

Финансирование*: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.*

Для цитирования: Пихтелев А. М. Институционализация патриотизма в системе государственного управления и деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации в постсоветский период // Среднерусский вестник общественных наук. – 2026. – Том 21. – №2. – С. 129-150. EDN AOAYMS

© *Пихтелев А. М.*, 2026

Original article EDN AOAYMS

INSTITUTIONALIZATION OF PATRIOTISM IN THE SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION AND THE ACTIVITIES OF THE NATIONAL GUARD TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE POST-SOVIET PERIOD

A. M. Pikhtelev

Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute for the National Guard Troops of the Russian Federation,
158, Moscow St., Saratov, 410012

Received 09.01.2026

Revised 15.04.2026

Accepted 11.06.2026

Abstract: *In the context of the transformations taking place in modern Russian society, the problem of the institutionalization of patriotism is becoming increasingly relevant in the sociology of management. The study is based on the secondary analysis of sociological data, regulatory legal documents, and sectoral studies that examine this process. The author notes how patriotism in Russia has transformed into a mechanism of social regulation in the post-Soviet period.*

The ***purpose*** *of the article is to conduct a theoretical analysis and provide a scientific justification for the stages of the institutionalization of patriotism, as well as to examine how this transformation was implemented in the activities of the troops of the National Guard of the Russian Federation.*

Methods. *The theoretical framework of the study includes institutional, constructivist, and functional approaches. The empirical basis consists of data from mass surveys conducted by VCIOM, studies by the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, as well as regulatory legal acts of the Ministry of Internal Affairs and the National Guard.*

Results. *The author concludes that the institutionalization of patriotism took place in three stages. The first was the recovery stage (2000–2012), the second was the spontaneous-consolidation stage (2014–2016), and the third was the stage of ideologization of patriotism (from 2016 to the present). In the National Guard, patriotism is instilled through regulatory-legal, organizational-educational, and corporate-cultural mechanisms.*

Keywords*: sociology of governance, patriotism, institutionalization, National Guard, social regulation, civic identity, secondary analysis, patriotic attitudes*

Funding: *This research received no external funding.*

For citations**:** Pikhtelev, A. M. (2026) Patriotism Institutionalization in the State Administration System and in the Activities of the National Guard Troops of the Russian Federation in the Post-Soviet Period. *Central Russian Journal of Social Sciences.*Vol. 21. no.2. P.129-150. EDN: AOAYMS

© Pikhtelev A. M., 2026

ВВЕДЕНИЕ

Теоретическая основа рассматриваемой проблемы состоит в следующем. Проблема институционализации патриотизма приобретает особую актуальность в контексте поиска механизмов социальной интеграции и укрепления государственности. На рубеже XX–XXI веков российское общество столкнулось с системным кризисом, выразившимся не только в экономическом спаде, но и в девальвации коллективных идентичностей, ослаблении управляемости и росте центробежных тенденций (Шубин, 2016). В данных условиях патриотизм постепенно перестал быть исключительно эмоциональной привязанностью к Родине и превратился в объект целенаправленной государственной политики, а затем в официально провозглашенную национальную идею (Евлапова, 2011). Хотя некоторые исследователи полагают, что данный процесс носил во многом спонтанный характер.

Для социологии управления данный процесс представляет особый интерес, поскольку позволяет проследить, как ценностные ориентации трансформируются в управленческие технологии. Как отмечает Д. А. Шкавров, эволюция формирования патриотических установок в России демонстрирует изменение подходов государства к реализации политической воли в данной области и позволяет выявить общественную реакцию на реализуемые программы (Шкавров, 2024). Возможно, именно этим объясняется та вариативность, которую мы наблюдаем в патриотическом дискурсе последних лет.

Войска национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардия), созданные в 2016 г., являются структурой, на которую возложены задачи по обеспечению государственной и общественной безопасности, охране важных государственных объектов, участию в борьбе с терроризмом и экстремизмом. В силу специфики служебно-боевой деятельности военнослужащие Росгвардии постоянно находятся в зоне повышенного внимания и информационного давления, что актуализирует потребность в устойчивых мировоззренческих основах. Исследование процессов институционализации патриотизма именно в соответствующей среде позволяет выявить механизмы превращения идеологических конструктов в регуляторы повседневного поведения, а также оценить их влияние на эффективность выполнения служебных задач.

Проблематика патриотизма в российской социологии представлена достаточно широко. Институциональные аспекты патриотического воспитания анализируются Ю. Г. Волковым (Волков и др., 2018). Типологию патриотических установок и их динамику исследует И. М. Кузнецов, выделяя умеренный и убежденный типы патриотизма, различающиеся по ориентации на модернизм или традиционализм (Кузнецов, 2024). Вопросы формирования патриотизма в системе образования рассматривает А. Ю. Тумин, акцентирующий роль институтов семьи и школы в трансляции патриотических ценностей (Тумин, 2024). Специфика военно-патриотического воспитания в ведомственных образовательных организациях МВД и Росгвардии исследуется в работах В. Н. Лымарева, А. П. Шарухина, Д. Ю. Тарасова и других авторов (Лымарев, 2020; Шарухин, 2024; Дьяков, 2019).

Вместе с тем комплексных исследований, рассматривающих институционализацию патриотизма именно как управленческую технологию и анализирующих ее операционализацию в конкретной силовой структуре на основе репрезентативных эмпирических данных, крайне мало, хотя отдельные попытки, безусловно, предпринимались. Данное исследование призвано восполнить настоящий пробел.

Цель исследования – выявить этапы, механизмы и результаты институционализации патриотизма в Российской Федерации и определить его функции как управленческого ресурса в деятельности Росгвардии на основе вторичного анализа социологических данных.

На основе цели исследования в работе решены следующие *задачи*:

- реконструированы этапы становления патриотизма как направления государственной политики на основе анализа нормативных документов и данных социологического мониторинга;
- систематизированы теоретико-методологические подходы для анализа институционализации патриотизма в социологии управления;
- проведен анализ эмпирических данных, характеризующих уровень, типы и динамику патриотических установок россиян, с фокусом на их значение для силовых структур;
- выявлены механизмы интеграции патриотической парадигмы в деятельность Росгвардии на основе анализа ведомственных документов и отраслевых исследований;
- оценена роль патриотизма в обеспечении устойчивости личного состава к информационно-психологическим угрозам, а также выявлены существующие проблемы и противоречия.

Научная новизна исследования заключается в комплексном применении аппарата социологии управления для анализа феномена патриотизма, что позволяет рассматривать его не только как ценностную категорию, но и как конкретную управленческую технологию. Новизна также состоит в привлечении новых эмпирических данных (2020–2025 гг.) для анализа динамики патриотических установок в контексте геополитических изменений и в выявлении специфики их операционализации в деятельности Росгвардии.

Теоретико-методологические основы исследования

Рассмотрим теоретические идеи, представляющие наибольший интерес для нашего исследования. Основу их составили институциональный, конструктивистский и функциональный подходы. Для анализа процесса институционализации патриотизма нами предпринята попытка синтеза данных подходов, что позволило рассмотреть изучаемый феномен на макро-, мезо- и микроуровнях социальной реальности. Ниже более подробно рассмотрим указанные научные подходы.

Ядром институционального подхода стали работы П. Бергера, Т. Лукмана и Ю. Г. Волкова. Здесь патриотизм рассматривается как устойчивый комплекс формальных и неформальных норм, ценностей и практик, закрепленных в социальных институтах (Волков и др., 2018; Бергер и др., 1995). В связи с этим процесс институционализации понимается как возникновение, формирование и закрепление социальных практик, их нормативное оформление и создание поддерживающих организационных структур. Так, например, у П. Бергера и Т. Лукмана институционализация описывается как процесс, в котором определенные типы действий становятся типизированными, привычными и в конечном счете объективируются в виде социальных институтов (Бергер и др., 1995). Применительно к феномену «патриотизм» это означает, что спонтанные проявления любви к Родине, чувства гордости за страну, готовности ее защищать – всё это постепенно обрастает правилами, символами, ритуалами, а затем и формальными предписаниями.

Заслуживают интереса идеи Ю. Г. Волкова, которые расширяют данный подход. Исследователь убедительно доказывает, как патриотизм превращается в инструмент управления, как он встраивается в деятельность различных институтов, начиная от школы до института армии (Волков и др., 2018). Важным выводом его исследования является тезис о том, что патриотизм из стихийного чувства трансформировался в систему, регулируемую государственными программами и внутренними нормативными правовыми актами.

Следует также отметить, что институционализация патриотизма – процесс двусторонний. Ведь не только государство формирует патриотизм, но и общественные ожидания влияют на его интерпретации. Возникает своего рода обратная связь. Когда государство запускает очередную программу патриотического воспитания, оно вынуждено учитывать, как данная программа будет воспринята, насколько она соответствует уже существующим в обществе представлениям о патриотизме. Если разрыв слишком велик, то программа рискует остаться формальной, бюрократической конструкцией, которую население будет игнорировать. Так, например, и произошло на первом этапе институционализации патриотизма в 2000-е годы, когда госпрограммы существовали, но народ о них почти ничего не знал и уж тем более не участвовал в них.

В деятельности Росгвардии соответствующий двусторонний процесс прослеживается довольно отчетливо. С одной стороны, есть формальные механизмы – федеральные законы, ведомственные нормативные правовые акты. Они задают рамки, определяют, какие именно ценности должны формироваться у личного состава, как должно осуществляться патриотическое воспитание. С другой стороны, есть неформальная составляющая – это реальные отношения в воинских коллективах. И то, как патриотизм будет воспринят конкретным военнослужащим, зависит не только от ведомственных нормативных правовых актов, но и от того, насколько данные документы согласуются с его личным опытом, с тем, что он видит вокруг себя, с примерами, которые подают сослуживцы и командиры.

Также заметим, что в институциональном подходе неформальным практикам уделяется особое внимание. Формальные нормы могут быть прописаны в документах, но реально они работают только тогда, когда подкрепляются неформальными санкциями (одобрением или неодобрением со стороны акторов). В армейской среде данный процесс особенно заметен. Можно сколько угодно проводить занятий по патриотическому воспитанию, но, если в подразделении патриотические ценности не разделяются большинством, если высмеиваются те, кто их демонстрирует, эффект будет нулевой. И наоборот, в здоровом воинском коллективе, где принято гордиться военной службой, где ветераны пользуются уважением, где ритуалы соблюдаются не для галочки, патриотизм усваивается естественно.

Еще один важный момент, который выделяют представители институционального подхода, – это проблема институциональной инерции. Институты, однажды сформировавшись, имеют тенденцию воспроизводить себя даже тогда, когда первоначальные условия их формирования изменились. Применительно к патриотическому воспитанию последнее означает, что многие практики, ритуалы, формы работы, сложившиеся еще в советское время, продолжают существовать и сегодня. С одной стороны, это хорошо: традиции преемственности, память о Великой Отечественной войне. С другой – плохо,

потому что данные формы могут восприниматься молодежью как устаревшие, не соответствующие современным реалиям. Отсюда, кстати, и возникает проблема формализма – когда мероприятие проводится потому, что «так положено», а не потому, что оно действительно нужно.

Таким образом, институциональный подход позволяет определить патриотизм как социологическое явление, а также определить, как он функционирует на практике.

Рассмотрим второй подход – конструктивистский. Представителями данного подхода (Л. М. Дробижева, В. А. Тишков) фокусируется внимание на символической политике и дискурсивных практиках, формирующих образ патриота и содержание патриотизма (Дробижева, 2017; Тишков, 2013). Исследователями делается акцент на необходимости исследования такого компонента патриотизма, как идентичность. Последнее может рассматриваться как социально конструируемый феномен, формирующийся через образовательные программы, медиа и ритуальные практики. Это, в свою очередь, позволит обосновать, как в массовом сознании закрепляются некоторые представления о патриотизме и как они транслируются через институциональные каналы. Здесь важно понимать, что конструирование идентичности никогда не бывает полностью управляемым, так как всегда есть место спонтанности и даже сопротивлению.

Как правильно отмечено Л. М. Дробижевой, гражданская идентичность в современной России формируется под влиянием таких факторов, как государственная политика, историческая память, межэтнические отношения и региональная специфика (Дробижева, 2017). Исследователь констатирует, что данную идентичность нельзя просто «внедрить» сверху простым административным решением, это должен быть результат взаимодействия между акторами. Из этого следует, что разрабатываемые патриотические программы, планируемые к внедрению на различных уровнях, должны учитывать реальные запросы и ожидания акторов.

Справедливо отмечает В. А. Тишков, «подлинный патриотизм не сводится исключительно к лояльности государству, а включает привязанность к конкретному месту рождения и взросления, к локальным традициям и сообществам. Патриотизм – это не только любовь к государству, но и привязанность к малой родине, к своей местности, к конкретным людям и традициям» (Тишков, 2013, С. 121). Также В. А. Тишков утверждает, что патриотизм не должен быть навязан сверху: истинный патриотизм вырастает из повседневного опыта, из чувства сопричастности к судьбе своей земли. Следовательно, конструктивистский подход, согласно В. А. Тишкову, позволяет рассмотреть патриотизм как многоуровневый феномен, который формируется и проявляет себя на макро-, мезо- и микроуровнях общественной жизни.

В деятельности Росгвардии конструктивистский подход позволяет проанализировать, как именно формируется образ настоящего патриота в сознании военнослужащих. Особое значение здесь занимают неформальные практики внутри воинского коллектива. Отметим, что в неформальной среде часто происходит реальное «присвоение» патриотических ценностей.

В патриотическом дискурсе последних лет значительное место занимает тема противостояния внешним угрозам, защиты от информационных атак, от попыток переписать историю. Конструктивистский подход позволяет проследить, как создается данный образ «враждебного окружения», как он транслируется через медиа, как влияет на восприятие патриотизма военнослужащими.

Как и в случае с институциональным подходом, конструктивистский также не может существовать изолированно. Он дополняет первый подход и определяет структурные компоненты патриотизма, составляющие его ядро.

Третий подход, который представляет для нас интерес, – функциональный, основоположником которого является Р. Мертон (Merton, 1968). Благодаря применению в исследовании настоящего подхода патриотизм может быть рассмотрен через призму тех функций, которые он выполняет в обществе и организационных структурах. Здесь мы имеем ввиду такие функции, как:

- социальная интеграция (сплочение различных групп вокруг общих ценностей);
- легитимация (обоснование существующего политического порядка);
- мобилизация (готовность к коллективным действиям, особенно в кризисных ситуациях);
- защитная функция (противостояние внешним угрозам, в том числе информационным).

Р. Мертоном предложено различать явные и латентные функции. К явным функциям относятся те, которые осознаются акторами и официально закреплены в программах или документах. Применительно к деятельности Росгвардии под этим следует понимать, что ведомственными документами сформулированы базовые ценности: чувство долга и готовность защищать Родину, представляющие базовые функции. При этом существуют латентные функции патриотизма, зачастую не осознаваемые или не планируемые изначально.

В деятельности Росгвардии отчетливо прослеживается такая латентная функция патриотизма, как психологическая защита. Тут важно понимать: агрессивная политика западных стран в отношении нашей страны обусловлена постоянным информационным давлением и попытками дискредитировать действия российских военнослужащих. В данных условиях в системе Росгвардии проведены мероприятия по формированию устойчивых патриотических убеждений военнослужащих. В конечном итоге это привело к эмоциональной стабильности и устойчивости к паническим настроениям. Следует констатировать тот факт, что военнослужащий, убежденный в правоте своего дела, в справедливости целей, которые защищает, оказывается менее уязвимым для информационных атак и провокаций. А это, в свою очередь, не находит официального отражения в нормативных правовых документах, но на практике является одним из важных его результатов.

Следующая функция патриотизма, проявляется в обеспечении и поддержании дисциплины и правопорядка. Особенно ярко она проявляется в военной среде. Как правило, в подразделении, где проявляется высокий уровень патриотического настроения, где военнослужащие гордятся военной службой, сохраняется достаточно высокий уровень ответственности, взаимовыручки. Однако, последнее обстоятельство снижает уровень нагрузки на формальные механизмы управления воинскими коллективами. Здесь патриотизм работает как внутренний регулятор, что, в свою очередь, является эффективнее любого внешнего принуждения.

Следует сказать еще об одной функции патриотизма в военной среде, такой как социальный лифт. Проявление патриотических ценностей, активное участие в патриотических мероприятиях может быть для военнослужащего способом завоевать авторитет у командиров и сослуживцев, а это в конечном счете может повлиять на дальнейшее продвижение по службе. Важно понимать, что в этом

случае патриотизм не должен сводиться к карьеризму.

Сконцентрируем свой исследовательский интерес на том, как именно патриотизм институционализируется в системе Росгвардии, формируя целостное мировоззрение, основанное на любви к Родине, осознании необходимости ее защиты, уважении к присяге и традициям. При этом необходимо учитывать реальные практики применения патриотических установок и что в конечном итоге они порождают.

На основе синтеза всех трех рассмотренных подходов (институционального, конструктивистского и функционального) обозначим следующее рабочее определение патриотизма, которое будет использоваться в данном исследовании. Патриотизм – это *социально конструируемый и институционально поддерживаемый комплекс ценностей, идентичностей и деятельностных моделей, направленных на формирование лояльности к государству и гражданской общности, выполняющий функции социальной интеграции, мобилизации и защиты от внешних угроз.* Применительно к деятельности Росгвардии под патриотизмом будем понимать совокупность ценностей, составляющих управленческий ресурс, обеспечивающий внутреннюю сплоченность, устойчивость личного состава к деструктивным воздействиям и мотивацию к добросовестному выполнению служебных задач.

Эмпирическая база и методы исследования

Исследование основано на вторичном анализе данных ряда социологических исследований:

1. Данные массовых опросов ВЦИОМ о патриотизме.
2. Данные исследований ФНИСЦ РАН (Кузнецов, 2024).
3. Данные отраслевых исследований в ведомственных образовательных организациях:

- исследования, выполненные в образовательных организациях МВД России и Росгвардии (Лымарев, 2020; Шарухин, 2024; Дьяков, 2019; Григорьев, 2025);
- исследования, посвященные формированию мировоззренческой позиции личной ответственности у курсантов учебных центров Росгвардии, а также военно-политической грамотности военнослужащих Росгвардии (Бороненко, 2025).

4. Анализ государственных и ведомственных нормативных правовых документов:

- государственные программы патриотического воспитания (2001–2024 гг.), Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», ведомственные приказы и наставления по организации военно-политической работы;
- Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», который задает контекст централизации управления.

Методы исследования включали сравнительный анализ процессов институционализации патриотизма, типологизацию, контент-анализ документов и обобщение результатов отраслевых исследований. Соответствующие методы позволили нам рассмотреть общие тенденции, не упустив при этом ведомственную специфику.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Отметим, что процессы институционализации формирования целостных патриотических убеждений в Росгвардии можно структурировать, на наш взгляд, тремя периодами.

На первом этапе, до образования Росгвардии (2016 год), сформированы традиции военно-патриотического воспитания в системе Внутренних войск МВД России. Примечательно, что соответствующие периоды, нашедшие свое отражение в исследованиях Н. И. Сивковой, А. С. Исакова и А. Н. Новгородцевой (Сивкова и др., 2024), коррелируют с общей логикой централизации государственного управления. Каждый период процессов институционализации патриотизма формировался своими ритуалами, традициями, развивающими морально-психлогическую устойчивость военнослужащих Росгвардии.

Первый этап (2000–2012 гг.) характеризуется восстановлением государственности и системной патриотической работы. Также исследователи данный период связывают с централизацией государственного управления, формирующей уважение к закону, неразрывную связь с Отечеством и готовность его защищать, сопровождающиеся политическими процессами укрепления вертикали власти. Были образованы федеральные округа, отменены прямые выборы глав регионов, принят Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», усиливший контроль над местным самоуправлением. Активизирована программная деятельность патриотического воспитания российских граждан. Отметим, что это было обусловлено необходимостью реализации государственной внутренней политики по восстановлению базовых идеологических оснований, способных легитимировать новую политическую конструкцию. Данными основаниями выступили ценностные ориентации патриотизма, без которых был риск, что административные реформы останутся чисто бюрократическими мероприятиями.

В 2001 году была разработана и принята первая государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы». Далее в 2005 году была принята соответствующая программа на период 2006–2010 годов, затем на 2011–2015 годы и на 2016–2020 годы. В данных программах реализованные патриотические мероприятия становятся форпостом государственной политики. Проведенный анализ указанных документов демонстрирует, что в первый период институционализации патриотизма преимущественно делался акцент на восстановлении утраченных в 90-е годы практик работы с молодежью. На основе советских традиций сформированы новые форматы патриотического воспитания и формировния мировоззрения, но с учётом современных реалий. Анализ данных документов также показал: первая принятая программа патриотического воспитания носила рамочный характер, так как в её основе декларировались важность патриотизма и представление направлений патриотических мероприятий. При этом в ней отсутствовали конкретные целевые показатели и механизмы оценки эффективности патриотического воспитания. Следует предположить, что данные программы были недостаточно ориентированы на конкретные результаты, а заявленная цель – «обеспечение духовно-нравственного единства общества» – имела декларативный характер.

Данный факт подтверждается результатами социологического опроса, проведенного ВЦИОМ в 2007 году, показавшего низкую информированность населения о существовании государственной программы патриотического

воспитания. Лишь 34 % что-либо о ней слышали, при этом знали о программе только 6 % россиян. Подавляющее большинство (86 %) отмечало, что ни они, ни члены их семей не участвовали в мероприятиях, связанных с ней. Помимо этого, ряд исследователей отмечали, что многие мероприятия носили формальный, бюрократический характер, а методы работы зачастую не соответствовали социально-экономическим реалиям и запросам, особенно молодежи (Сунгуров, 2009). По нашему мнению, это центральная проблема того периода, так как основной замысел программ патриотического воспитания в целевой аудитории не реализовывался, что сформировало такой значительный разрыв между замыслом и решением, а также критические отзывы и мнение о наличии отрицательного эффекта от реализации программ.

Отметим, что структуры формально были образованы, но ожидаемой результативности не было, так как зачастую нивелировались реальные мотивы и интересы граждан. Программы патриотического воспитания первого периода, несмотря на наличие ряда положительных отзывов, востребованности, всё-таки оказались недостаточно эффективными и не стали частью повседневной жизнедеятельности большинства акторов российского общества.

Второй этап (2014–2016 гг.) характеризуется более высокими общественными оценками, на которые повлияли внешние события. К данным событиям относятся:

- успешное проведение зимних Олимпийских игр в Сочи (2014 г.);
- воссоединение Крыма с Россией (2014 г.);
- санкционное давление зарубежных стран, которое привело к росту патриотических настроений российских граждан. Можно назвать данное время «периодом общественного воодушевления».

Так, согласно данным ВЦИОМ решение о воссоединении с Крымом поддержало подавляющее большинство граждан (около 96 % в 2014 г.).

Данная поддержка оставалась исключительно высокой и в последующие годы, находясь в пределах 81–93 %. В общественном сознании настоящие события были восприняты как восстановление исторической справедливости (отметили 85 % респондентов) и возрождения России как сверхдержавы. Соответствующие процессы того периода создали благоприятные условия для дальнейшей институционализации патриотизма. Если бы не эти обстоятельства, то, возможно, программы патриотического воспитания не показали бы свою эффективность, но здесь обозрим классический пример того, как общественные настроения поддерживают государственные инициативы. Другими словами, на наш взгляд, институционализация происходила не сверху, а снизу – от общества к государственным практикам. Тем самым государство в данном процессе канализировало и направляло в нужное русло эмоции и ожидания, вызревшие в обществе. И это было важно для эффективности реализации программы патриотического воспитания, так как она соответствовала реальным настроениям граждан.

Третий этап (с 2016 г. по настоящее время) характеризуется провозглашением патриотизма как национальной идеи и практической реализации патриотической повестки в деятельности Росгвардии. Так, в своем выступлении в 2016 году Президент РФ В. В. Путин сказал: «*У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма*»[1]. Данные слова В. В. Путина, на наш взгляд, можно считать основой формирования

[1] Путин назвал единственно возможную национальную идею. – URL: https://www.rbc.ru/politics/03/02/2016/56b1f8a79a7947060162a5a7 (ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 10.02.2026)

новой доктрины институционализации патриотизма в России. Как отметил Д. А. Шкавров, в современный период стратегия патриотических установок претерпела трансформацию, адаптировавшись к современным вызовам (Шкавров, 2024). Одновременно с данным процессом, как показывают результаты исследований, конституционные поправки (2020 г.) закрепили новую систему публичной власти, что повысило контроль федерального центра над регионами и муниципалитетом (Сивкова, 2024). Отметим, что патриотизм является не только ценностной, но и управленческой категорией, интегрированной в единую систему государственного управления. Данная система уже не просто «работа с населением», а элемент вертикали, подлежащий планированию, отчетности и контролю. Тут патриотическое воспитание интегрируется в общую систему государственного управления со всеми вытекающими последствиями.

Контент-анализ программ патриотического воспитания, принятых с 2016 года, позволяет констатировать существенные изменения в их содержании. Если, например, в первых программах (на период 2001–2005, 2006–2010 годов) преобладали трактовки о важности патриотизма и мероприятий патриотической направленности, то уже в программе на период 2016–2020 годов нашли отражение конкретные целевые показатели, механизмы мониторинга и оценки результативности. Благодаря данным критериям считается возможным проследить, каким образом смещаются акценты. Однако здесь и возникает новая проблема, связанная с формализацией выполнения, выражающаяся в обеспечении выполнения количественных показателей, что может подменить качественную работу и создать иллюзию эффективности реализации программы патриотического воспитания.

Ценным для изучения является анализ результатов исследования, проведенного И. М. Кузнецовым (Кузнецов, 2024). Исследователем были выделены два типа патриотизма – умеренный и убежденный, в совокупности составляющие систему патриотических установок россиян. *Умеренный* тип, с точки зрения автора, ориентирован на модернизм, гражданские ценности, открытость. Носители данного типа видят в патриотизме деятельную любовь к Родине и стремление сделать ее лучше. Однако *убежденный* тип декларирует, напротив, приверженность защитным смыслам, делая акцент на защите страны от внешних угроз. Здесь патриотизм выражается в готовности к самопожертвованию и противостоянию врагам.

Сравнительный анализ данных 2020 и 2024 годов показывает принципиальную динамику. Так, если в 2020 году система патриотических установок россиян соответствовала умеренному типу, то уже в 2024 году, в связи с проведением специальной военной операции, стал преобладать убежденный тип (Кузнецов, 2024). Последнее обстоятельство свидетельствует о подвижности патриотического сознания российских граждан, его способности активизировать различные смысловые императивы в зависимости от социально-политического курса. Следует предположить, что это и есть та самая гибкость, о которой говорят исследователи в области психологии и под которой следует понимать способность адаптироваться к изменяющимся условиям, сохраняя при этом базовую идентичность. В этом случае речь идет о системном сдвиге, а не о временных колебаниях. Результаты исследования И. М. Кузнецова показывают нам, что в современных условиях новые установки становятся устойчивым элементом массового сознания. Это, в свою очередь, ставит перед системой воспитания абсолютно новые задачи.

Обозначим, что социологический опрос, проведённый ВЦИОМ в 2023 году, конкретизирует содержание понятия патриотизма. Результаты данного исследования показывают преобладание деятельного понимания патриотизма, 48 % респондентов связывают его с «работой на благо страны».

Далее российские граждане связывают патриотизм с оборонительным императивом – так считают 38 % респондентов, которые ответили «защита страны от любых нападок и обвинений». Реже патриотизм связывается респондентами с любовью к истории и культуре, что вызывает глубокую озабоченность. Очевидно, что для военнослужащих Росгвардии, профессиональная деятельность которых связана с защитой конституционного строя, защита Отечества является основополагающей. Данное обстоятельство подтверждается исследованиями, проведёнными в Росгвардии. Так, например, В. Н. Лымарев констатирует, что в структуре мотивации военнослужащих Росгвардии, особенно тех, кто имеет боевой опыт, защита Родины и ее интересов занимает одно из ведущих мест.

Отметим, что институционализация патриотизма Росгвардии носит системный характер и реализуется в нескольких направлениях, которые следует рассматривать как определенные уровни управленческого воздействия. Каждый из этих уровней обладает своей спецификой и механизмами, которые в совокупности образуют систему, формирующую у военнослужащих Росгвардии устойчивые патриотические убеждения. Как показывает контент-анализ нормативных правовых документов ведомства, в системе Росгвардии можно выделить три механизма патриотического воспитания – нормативно-правовой, организационно-воспитательный, корпоративно-культурный. Ниже рассмотрим их более детально.

1. Нормативно-правовой механизм. В ряде документов Росгвардии определены основные критерии патриотизма. Так, в Федеральном законе «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» к данным критериям относится долг по защите государственного суверенитета, конституционного строя и территориальной целостности, составляющие основу службы. В наставлении по военно-политической (политической) работе патриотизм определен в качестве идеологической основы воспитательной работы. Анализ документов Росгвардии также показал, что в настоящее время в них наблюдается конкретика. Так, например, ранее в соответствующих документах направления деятельности в большей степени декларировались, но теперь сформированы блоки крупных мероприятий, прописаны формы работы, тематика мероприятий и ожидаемые результаты. Как пример, в программах подготовки военнослужащих различных категорий определено, какие именно исторические события должны знать, какие исторические даты отмечаются в Росгвардии, сформирована база фильмов, сохраняющих память о подвигах, понимание ценности защиты Родины. Безусловно, всё это в совокупности повышает процесс управляемости воинскими коллективами. Нормативные правовые документы Росгвардии создают каркас патриотического воспитания военнослужащих, а вот содержание его зависит от множества факторов, начиная от квалификации командира (воспитателя) и заканчивая общей атмосферой в подразделении.

2. Организационно-воспитательный механизм. В образовательных организациях Росгвардии патриотизм интегрирован в учебные программы. Проведенные исследования в образовательных организациях Росгвардии показывают, что структуре мотивационных установок курсантов присущи

качественные различия, требующие поиска новых психолого-педагогических подходов к формированию мотивации на приобретение профессиональной компетентности (Лымарев, 2020; Бабичев, 2024). В этой связи Е. Н. Дьяков отмечает, что патриотическое воспитание курсантов должно основываться на единстве образовательной, проектно-исследовательской и воспитательной деятельности (Дьяков, 2019). Другими словами, патриотизм не должен только ограничиваться определениями, а он должен охватывать весь образовательный процесс и все виды деятельности курсантов (научную, досуговую и др.). Только в этом случае патриотизм является не внешним требованием, а внутренним убеждением. А это особенно важно в условиях, когда молодые люди приходят в военные вузы с уже сформировавшимися, но зачастую противоречивыми ценностными ориентирами. Следует отметить: Т. А. Бороненко и В. С. Руденко констатируют тот факт, что специальная военная операция внесла коррективы в ценностные ориентиры подрастающего поколения и военнослужащих. Исследователи констатируют снижение качества контингента, поступающего на военную службу, в его составе есть представители с низким уровнем грамотности, организованности, эмоциональной устойчивости (Бороненко, 2025). Это, в свою очередь, актуализирует задачу по формированию военно-политической грамотности в рамках военно-политической подготовки. Однако следует предположить, что сама проблема заключается не только в программах обучения, но и связана с таким социальными процессами, как воспитание в семье, влияние контента мессенджеров и культурной среды. Кандидаты, устраивающиеся на военную службу или поступающие в военный вуз, обладают уже определенными сформировавшимися жизненными установками, но воспитательная работа с ними ориентирована не на формирование, а на корректировку уже имеющихся установок, что сложнее и требует взвешенных и обоснованных методов.

3. Корпоративно-культурный механизм. В Росгвардии патриотизм и патриотические установки транслируются через систему воинских символов и ритуалов – принятие присяги, вручение знамени, торжественные построения и др. Как утверждает В. Н. Лымарев, структурно профессиональная мотивация военнослужащих Росгвардии состоит из ценностно-смысловых компонентов, формирующихся через корпоративную культуру (Лымарев, 2020). А. П. Шарухин по этому поводу конкретизирует: этическое воспитание военнослужащих должно быть основано на патриотизме, который не может быть навязан административными методами, а должен быть частью их мировоззрения (Шарухин, 2024). Воинские ритуалы и традиции призваны формировать эмоциональную связь с воинской частью, сослуживцами и историей войск в целом. Через соответствующую связь военнослужащий ощущает свою принадлежность к Отечеству и необходимость его защиты, что в дальнейшем становится основой идентичности.

Ряд исследований показывают, что патриотические ориентиры выполняют защитную функцию. Согласно данным ВЦИОМ для 38 % россиян патриот – это тот, кто защищает страну от любых нападок и обвинений. Особенно это проявляется в нынешних реалиях агрессивной внешней политики, проводимой зарубежными странами. Военнослужащие Росгвардии участвуют в боевых действиях и постоянно сталкиваются с дискредитационными действиями, с фейками и провокациями. И устойчивые убеждения помогают им не поддаваться паническим настроениям и эффективно выполнять поставленные задачи, что

важно, так как это вопросы боеспособности. Очевидно, патриотическое воспитание в Росгвардии – это основа мировосприятия военнослужащих.

Анализ зарубежных исследований (Merry, 2009; Gray, 2010) показывает, что формальные программы, связанные с патриотическим воспитанием, сталкиваются с проблемами восприятия. Данные программы подкрепляются эмоциональными лозунгами, а не реальными процессами формирования патриотизма. Исследователи выделяют явление показного патриотизма – когда публичные проявления патриотизма не совпадают с внутренними убеждениями акторов, что создает сложность в оценке эффективности работы по патриотическому воспитанию (Merry, 2009). По нашему мнению, для военной сферы в вопросах патриотического воспитания важен дисциплинарный аспект, но это спорно и носит дискуссионный характер. Заметим, что для военной социальной среды дисциплина не менее важна, чем внутренние убеждения. Идеальным вариантом является, когда дисциплинированность и внутренние убеждения совпадают.

Справедливости ради отметим, что в военной социальной среде воспитательная работа носит системный характер, однако эффекты от ее проведения могут быть разными. Как показывают исследования, проведенные в образовательных организациях Росгвардии, интеграция образовательной, проектно-исследовательской и воспитательной деятельности способствует формированию ценностей патриотизма, долга, чести, социальной справедливости и гуманизма (Дьяков, 2019). Участие в военно-патриотических акциях, работа с ветеранскими организациями, шефство над кадетским классами создают среду, в которой патриотизм перестает быть абстрактным понятием, он является элементом повседневной служебной деятельности военнослужащих. Они не просто слышат о патриотизме на занятиях, а наблюдают его в конкретных делах. Это, в свою очередь, является «живым патриотизмом», который не навязан, а сформирован на основе опыта.

В деятельности Рогвардии особое место занимает защита исторической памяти. Бесспорно, фальсификация истории Второй мировой войны, попытки пересмотреть роль СССР в победе над нацизмом наносят прямой удар по мировоззренческим основам военной службы. Для Росгвардии, унаследовавшей традиции войск, участвовавших в обороне Москвы, Ленинграда и Сталинграда, участие в мероприятиях по сохранению исторической памяти становится не только воспитательной, но и идеологически значимой практикой. А это не просто дань прошлому, а укрепление легитимности настоящего и формирование преемственности поколений защитников Отечества. Следует отметить, что молодежь активно принимает участие в патриотическо-исторических акциях, например в поисковых работах. Восстановление имён павших при защите Отечества не только помогает узнать историю, но и обеспечивает связь поколений, формирует чувство сопричастности и ответственности за её сохранение.

В ходе нашего исследования в военной социальной среде выявлен ряд сохраняющихся проблем, к которым относятся:

1. Разрыв между декларируемыми ценностями и отношением к военной службе. Исследователи констатируют наличие взаимосвязи патриотизма с бытовыми проблемами (низкий уровень заработной платы, перегрузки, нерешенные социальные вопросы семьи), что оказывает влияние на отношение и формирование уважения к военнослужащим (Бороненко, 2025). Как правильно

отмечено рядом исследователей (Gray, 2010), эффективность патриотического воспитания зависит не только от содержания программ, но и от того, насколько государство показывает заботу о своих гражданах и военнослужащих. Если военнослужащий не уверен, что о нём и членах его семьи заботятся, то любые патриотические лозунги будут восприниматься им как лицемерие. Следовательно, патриотическое воспитание не может быть оторвано от социальной политики, обеспечивающей качество и условия жизни семьи военнослужащего.

2. Неоднородность контингента, поступающего на военную службу. Отмечается, что у кандидатов, желающих поступить на военную службу, уровень патриотической мотивации может быть низким, что в последующем требует значительных усилий в вопросах патриотического воспитания (Бороненко, 2025). Данное обстоятельство диктует актуализацию дифференцированного подхода к воспитательной работе и глубокое изучение психологических особенностей личности в ходе данной работы.

3. Проблемы оценки эффективности патриотического воспитания. Как декларируют результаты зарубежных исследований, публичные проявления патриотизма могут не совпадать с внутренними убеждениями, что создает сложности в оценке эффективности работы по патриотическому воспитанию (Merry, 2009). Данный вопрос требует дальнейших научных исследований, но важно учитывать, что патриотизм проявляется в критической ситуации, когда человек должен сделать выбор, и здесь главным критерием является поведение и готовность жертвовать личным ради общего.

ОБСУЖДЕНИЕ

Проведенное исследование было направлено на выявление этапов, механизмов и результатов институционализации патриотизма в постсоветской России, а также на определение того, как соответствующие процессы реализуются в деятельности войск национальной гвардии. Полученные данные позволяют не только описать хронологию и формы институционализации, но и по-новому интерпретировать патриотизм как управленческую технологию, функционирующую на макро-, мезо- и микроуровнях социальной реальности. Ниже обсуждаются ключевые выводы в свете существующих теоретических представлений и эмпирических фактов.

Во «Введении» был сформулирован основной вопрос: «Как именно патриотизм в постсоветский период трансформировался из эмоциональной привязанности в механизм социального регулирования и каким образом данная трансформация операционализировалась в деятельности Росгвардии?» Наше исследование показало, что данный процесс проходил в три этапа, каждый из которых характеризовался специфическими вызовами и управленческими решениями. Первый этап (2000–2012 гг.) представлял собой восстановительный период, но с выраженным разрывом между формальными программами и реальными установками населения. Указанный факт подтвержден данными ВЦИОМ 2007 г. (лишь 6 % знали о существовании госпрограммы). Второй этап (2014–2016 гг.) оказался стихийно-консолидационным, где внешние события (воссоединение Крыма, санкции) создали общественный запрос на патриотическую риторику, что повысило эффективность государственных инициатив. Третий этап (с 2016 г.) – это идеологизация патриотизма, закрепленная на высшем политическом уровне и подкрепленная институциональными изменениями (поправки 2020 г., централизация публичной власти). Таким образом, ответ на поставленный

вопрос заключается в том, что институционализация патриотизма носила не линейный, а циклический характер, где периоды «догоняющей» формализации сменялись фазами «обратного» влияния общественных настроений на государственную политику. В деятельности Росгвардии настоящий процесс нашел отражение в трех механизмах – нормативно-правовом, организационно-воспитательном и корпоративно-культурном. Последнее позволяет рассматривать патриотизм не как внешнюю идеологическую надстройку, а как внутренний ресурс управления воинскими коллективами.

Наши результаты согласуются с выводами Ю. Г. Волкова о превращении патриотизма из стихийного чувства в систему, регулируемую государственными программами (Волков и др., 2018). Однако мы обнаружили, что данный процесс не был однолинейным в период 2000–2012 гг. В указанный период формальные институты патриотического воспитания существовали параллельно с низкой вовлеченностью населения, что подтверждает тезис П. Бергера и Т. Лукмана об инерционности институтов и возможности рассогласования между объективированными структурами и субъективными смыслами (Бергер и др., 1995). В отличие от работ, акцентирующих исключительно «вертикаль» государственного патриотизма (например, работа А. Ю. Сунгурова), наше исследование показывает, что именно второй этап (2014–2016) продемонстрировал эффект «низового» импульса, в котором общественные эмоции опередили формальные программы, что, по-видимому, повысило их восприимчивость.

Результатами типологии И. М. Кузнецова (умеренный и убежденный патриотизм) нами подтвержден сдвиг от умеренного к убежденному типу в 2024 г., что свидетельствует о «функциональной пластичности» патриотического сознания. Данная пластичность, с нашей точки зрения, является следствием институционализации, когда патриотизм начинает выполнять защитную и мобилизационную функции в ответ на внешние угрозы. Примечательно, что зарубежные исследователи (Merry, 2009; Gray, 2010) фиксировали феномен показного патриотизма в гражданских контекстах. Наши данные по военной среде показывают, что риски показного патриотизма снижаются за счет деятельностной проверки (участие в боевых действиях, учениях, ритуалах). При этом не нужно исключать проблемы формализма, особенно в условиях мирного времени.

Почему институционализация патриотизма в постсоветской России заняла более двух десятилетий и прошла три качественно различных этапа? Теоретическое объяснение, на наш взгляд, лежит в синтезе трех подходов, использованных в исследовании. Институциональный подход (Бергер, Лукман) объясняет первый этап как период «типизации» и «объективации». Это когда государство создавало формальные структуры (программы, координационные советы), но они еще не стали частью повседневных практик большинства граждан. Конструктивистский подход (Тишков, Дробижева) позволяет понять, почему второй этап оказался более успешным. Здесь внешние события (Крым, Олимпиада) изменили символический контекст, сделав патриотические дискурсы более резонирующими с личным опытом людей. Функциональный подход (Мертон) объясняет третий этап через латентные функции. Помимо явной интеграции и легитимации, патриотизм в Росгвардии стал выполнять психологическую защиту и поддержание дисциплины, что особенно востребовано в условиях специальной военной операции.

Таким образом, смена этапов отражает не только эволюцию государственной политики, но и изменение соотношения между формальными институтами и неформальными практиками. На первом этапе формальные институты были слабо укоренены. На втором – неформальные настроения «подтянули» формальные структуры. На третьем – произошла полная институционализация, когда патриотизм стал элементом повседневного управления, включая систему отчетности, плановых показателей и ведомственных ритуалов.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она впервые в российской социологии управления предложила периодизацию институционализации патриотизма, основанную не на хронологии принятия документов, а на смене доминирующих механизмов интеграции (административный – эмоционально-консолидационный – идеологически-управленческий). Кроме того, наше исследование расширяет понимание патриотизма как управленческой технологии, показывая его латентные функции (психологическая защита, неформальный контроль дисциплины), которые редко фиксируются в официальных документах, но реально работают в воинских коллективах.

Практическая значимость заключается в выявлении механизмов, которые уже используются в Росгвардии, но при этом существуют определенные проблемы. В частности, разрыв между декларируемыми ценностями и условиями службы, неоднородность контингента и сложность оценки эффективности. Данные выводы могут быть непосредственно использованы при корректировке ведомственных программ патриотического воспитания. В отличие от абстрактных рекомендаций, мы опираемся на конкретные данные отраслевых исследований (Лымарев, 2020; Бороненко, 2025) и на контент-анализ нормативных правовых актов.

На основе полученных результатов мы планируем следующие исследовательские шаги.

Во-первых, требуется разработка методики количественной оценки эффективности патриотического воспитания, которая различала бы показной и подлинный патриотизм. Возможно, здесь могут быть использованы методы косвенных вопросов, а также анализ поведенческих индикаторов (участие в добровольческих акциях, готовность к риску).

Во-вторых, необходимо сравнительное исследование латентных функций патриотизма в различных силовых структурах (Минобороны РФ, МВД, МЧС и др.), чтобы выявить ведомственную специфику.

В-третьих, актуальным является изучение влияния социально-экономических условий (уровень зарплат, обеспеченность жильем) на восприятие патриотических ценностей военнослужащими. Результаты нашего исследования указывают на существование такой связи, но она, на наш взгляд, требует эмпирической верификации с помощью регрессионного анализа.

Наконец, заслуживает внимания лонгитюдное исследование патриотических установок у курсантов военных вузов на протяжении всего периода обучения. Последнее позволит оценить реальный вклад образовательных программ, а не только их формальное выполнение.

Следовательно, структурирование этапов институционализации патриотизма продемонстрировало, как патриотизм из разрозненных чувств и деклараций превратился в системный управленческий ресурс. В Росгвардии данный ресурс функционирует через три взаимосвязанных механизма. Однако его

эффективность ограничивается сохраняющимися разрывами между официально декларируемыми установками и повседневными практиками. Без преодоления указанных разрывов любая программа патриотического воспитания рискует остаться формальной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное социологическое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, институционализация патриотизма в Российской Федерации в постсоветский период представляет многоэтапный процесс, который связан прежде всего с централизацией государственного управления. Были выявлены три этапа:

- восстановительный (2000–2012 годы);
- стихийно-консолидационный (2014–2016 годы).
- идеологизации патриотизма (с 2016 года по настоящее время).

Во-вторых, эмпирические данные показывают у российских граждан сохраняется высокий уровень патриотической самоидентификации (80–90 %) при вариативности содержательного наполнения патриотизма. Выявлена динамика доминирования умеренного типа патриотических установок (в 2020 году) и преобладания убежденного типа (в 2024 году). Последнее свидетельствует о подвижности патриотического сознания и его чувствительности к геополитическим трансформациям.

В-третьих, выявлено, что в деятельности Росгвардии институционализация патриотизма осуществлялась через нормативно-правовой, организационно-воспитательный и корпоративно-культурный механизмы. Исследования, проведенные в вузах ведомства, подтверждают тот факт, что системная воспитательная работа способствует формированию устойчивых профессиональных патриотических ценностей у акторов.

В-четвертых, научно подтверждено, что в условиях информационно-психологического противодействия патриотизм выполняет защитную функцию, выступая ресурсом устойчивого противодействия деструктивным процессам. Особое значение в настоящих процессах отводится защите исторической памяти, составляющей основу военной службы.

В-пятых, сохраняются проблемы формализма, неоднородности контингента и возможного разрыва между публичными и внутренними установками. Это, в свою очередь, требует дальнейшего научного исследования, в котором важно учитывать реальные запросы военнослужащих и современные методики оценки эффективности работы по патриотическому воспитанию.

Дальнейшие исследования должны быть направлены: во-первых, на разработку методик разграничения показного и подлинного патриотизма в военной среде; во-вторых, на сравнительный анализ эффективности трех выявленных механизмов институционализации в различных силовых структурах; в-третьих, на количественную оценку влияния социально-экономических условий службы на восприятие патриотических ценностей военнослужащими. Без решения указанных задач любая программа патриотического воспитания рискует остаться формальной, несмотря на высокие декларируемые показатели.

Список литературы:

1. Бабичев А.М. Формирование мировоззренческой позиции личной ответственности за выполнение служебно-боевых задач у курсантов центров подготовки личного состава Росгвардии: концепция исследования / А.М. Бабичев, А.П. Шарухин // Мир образования - образование в мире. – 2024. – № 2(94). – С. 27-37. – DOI: 10.51944/20738536_2024_2_27. – EDN: PXKVFA.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: "Медиум", 1995. – 323 с.
3. Бороненко Т.А. Введение в понятие "военно-политическая грамотность" военнослужащих Росгвардии / Т.А. Бороненко, В.С. Руденко // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2025. – № 2. – С. 158-173. – DOI: 10.35231/18186653_2025_2_158. – EDN: FFGHPF.
4. Григорьев О.В. Проблемы формирования профессиональной компетентности в учебном процессе военных вузов Росгвардии // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2025. – Том 30, № 2(101). – С. 156-160. – DOI: 10.24412/1999-6241-2025-2101-156-160. – EDN: FZZLPI.
5. Дробижева Л.М. Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2017. – № 4. – С. 7-22. – 10.14515/monitoring. 2017 4.02. – DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.02. – EDN: YLYNRW.
6. Дьяков Э.Н. Концепция государственно-патриотического воспитания курсантов военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии РФ / Э.Н. Дьяков, А.П. Шарухин // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 62-4. – С. 63-67. – EDN: VSCMWG.
7. Евлапова Т.В. Патриотизм как ценностное основание национальной идеи России / Т.В. Евлапова // Вестник государственного и муниципального управления. – 2011. – № 1. – С. 42-45. – EDN: SUCHSJ.
8. Институциональные практики патриотического воспитания в системе высшего образования: состояние, проблемы и перспективы / Ю.Г. Волков, Р.Д. Хунагов, Н.К. Бинеева [и др.]. – Ростов-на-Дону – Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2018. – 204 с. – ISBN: 978-5-85108-306-8.
9. Кузнецов И.М. Вариативность и динамика патриотических установок россиян в контексте СВО // Социологическая наука и социальная практика. – 2024. Том. 12. – № 4. – С. 65-81. – DOI: 10.19181/snsp.2024.12.4.4. – EDN: HIDDBV.
10. Лымарев В.Н. Структура профессиональной мотивации военнослужащих Росгвардии / В.Н. Лымарев // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2020. – № 11(189). – С. 317-321. – DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2020.11.p317-321. – EDN: NPSLHP.
11. Сивкова Н.И. Институализация единой системы публичной власти в России в контексте процессов централизации / Н.И. Сивкова, А.С. Исаков, А.Н. Новгородцева // Культура и природа политической власти: теория и практика: Сборник научных трудов. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2024. – С. 114-119. – EDN: CQOXZP.
12. Сунгуров А.Ю. Модели взаимодействия структур гражданского общества и органов власти: российский опыт // Электронная библиотека "Гражданское общество", 2009.–- URL: https://www.civisbook.ru/ (дата обращения: 15.02.2026).

13. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания / В.А. Тишков; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2013. – 649 с. – ISBN: 978-5-02-037562-8.

14. Тумин А.Ю. Институциональные факторы развития патриотизма (на примере семьи и образования) // Философия образования. – 2024. – № 1. – С. 23-39. – DOI: 10.15372/PHE20240102. – EDN: ORPXBC.

15. Шарухин А.П. Этические основания воспитания военнослужащих и сотрудников Росгвардии / А.П. Шарухин // Мир образования - образование в мире. – 2024. – № 2(94). – С. 99-108. – DOI: 10.51944/20738536_2024_2_99. –EDN: TIOWMK.

16. Шкавров Д.А. Эволюция формирования патриотических установок у граждан Российской Федерации: компаративный анализ политических стратегий 2001-2005 и 2021-2026 годов / Д.А. Шкавров // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13, № 5. –- С. 216-226. – DOI: 10.18522/2227-8656.2024.5.16. – EDN: VXTIPQ.

17. Шубин А.В. Распад СССР: объективные причины и субъективные факторы / А.В. Шубин // Россия и АТР. – 2016. – № 3(93). – С. 23-48. – EDN: WWWRZB.

18. Gray G. Teaching patriotism in America's public schools: policy, practices, and debates // Matsuyama University Studies in Language and Literature. – 2010. – Vol. 29, № 2. – P. 1-19.

19. Merry M.S. Patriotism, History and the Legitimate Aims of American Education // Educational Philosophy and Theory, 2009. – Vol. 41, № 4. – P. 378-398. – DOI: 10.1111/j.1469-5812.2007.00363.x.

20. Merton R. Social Theory and Social Structure. – N.Y.: Free Press, 1968. – 698 p.

References:

1. Babichev, A.M. and Sharukhin A. P. (2024) Formation of an Ideological Position of Personal Responsibility for the Performance of Service-Combat Missions among Cadets of the Russian National Guard Training Centers: A Research Concept. *The World of Education – Education in the World*. no. 2 (94). Pp. 27-37. (In Russ) DOI: 10.51944/20738536_2024_2_27. EDN: PXKVFA.

2. Berger, P., Lukman T. (1995) Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge. Moscow: "Medium". 323 p. (In Russ)

3. Boronenko, T. A. and Rudenko, V. S. (2025) Introduction to the Concept of "Military-Political Literacy" of Russian National Guard Servicemen. *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin.* no. 2. P. 158-173. (In Russ) DOI: 10.35231/18186653_2025_2_158. EDN: FFGHPF.

4. Grigoriev, O.V. (2025) Problems of Forming Professional Competence in the Educational Process of Military Universities of the Russian Guard. *Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies*. Vol. 30, no. 2(101). P. 156-160. (In Russ) DOI: 10.24412/1999-6241-2025-2101-156-160. EDN: FZZLPI.

5. Drobizheva, L.M. (2017) Dynamics of Civil Identity and Its Resource in Positive Integration Processes of Russian Society. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes.* no. 4. P. 7-22. (In Russ) DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.02. EDN: YLYNRW.

6. Dyakov, E.N. and Sharukhin, A.P. (2019) The concept of state-patriotic education of cadets of military educational institutions of higher education of the National Guard troops of the Russian Federation. *Problems of modern pedagogical*

education. no. 62-4. P. 63-67. (In Russ) EDN: VSCMWG.

7. Evlapova, T.V. (2011) Patriotism as a value basis of the national idea of Russia. *Bulletin of public and municipal management*. no. 1. P. 42-45. (In Russ) EDN: SUCHSJ.

8. Volkov, Yu. G., Khunagov, R. D. and Bineeva, N. K. [et al.]. (2018) Institutional Practices of Patriotic Education in the Higher Education System: Status, Problems, and Prospects. Rostov-on-Don , Maykop: Adyghe State University, 204 p. (In Russ) ISBN: 978-5-85108-306-8.

9. Kuznetsov, I. M. (2024) Variability and Dynamics of Patriotic Attitudes of Russians in the Context of the Secondary Military Military School. *Sociological Science and Social Practice*. Vol. 12. no. 4. Pp. 65-81. (In Russ) DOI: 10.19181/snsp.2024.12.4.4. EDN: HIDDBV.

10. Lymarev, V. N., Isakov, A.S. and Novgorodtseva, A.N. (2020) The Structure of Professional Motivation of Rosgvardia Servicemen. *Scientific Notes of P.F. Lesgaft University*. no. 11 (189). P. 317-321. (In Russ) DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2020.11. p317-321. EDN: NPSLHP.

11. Sivkova, N.I. (2024) Institutionalization of a Unified System of Public Authority in Russia in the Context of Centralization Processes. *Culture and Nature of Political Power: Theory and Practice: Collection of Scientific Papers*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. P. 114-119. (In Russ) EDN: CQOXZP.

12. Sungurov, A.Yu. (2009) *Models of Interaction between Civil Society Structures and Government Bodies: The Russian Experience. Electronic Library "Civil Society*". – URL: https://www.civisbook.ru/ (date of access: 15.02.2026). (In Russ)

13. Tishkov, V.A. (2013) *The Russian People: History and Meaning of National Identity*. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. – Moscow: Nauka. 649 p. (In Russ) ISBN: 978-5-02-037562-8.

14. Tumin, A.Yu. (2024) Institutional Factors in the Development of Patriotism (using Family and Education as an Example). *Philosophy of Education*. no. 1. pp. 23-39. (In Russ) DOI: 10.15372/PHE20240102. EDN: ORPXBC.

15. Sharukhin, A.P. (2024) Ethical Foundations for the Education of Military Personnel and Employees of the Russian National Guard. *The World of Education - Education in the World.* no. 2(94). Pp. 99-108. (In Russ) DOI: 10.51944/20738536_2024_2_99. EDN: TIOWMK.

16. Shkavrov, D.A. (2024) Evolution of the Formation of Patriotic Attitudes among Citizens of the Russian Federation: A Comparative Analysis of Political Strategies for 2001-2005 and 2021-2026. *Humanitarian of the South of Russia*. Vol. 13, no. 5. Pp. 216-226. (In Russ) DOI: 10.18522/2227-8656.2024.5.16. EDN: VXTIPQ.

17. Shubin, A.V. (2016) The Collapse of the USSR: Objective Causes and Subjective Factors. *Russia and the Asia-Pacific Region.* no. 3(93). P. 23-48. (In Russ) EDN: WWWRZB.

18. Gray G. (2010) Teaching patriotism in America's public schools: policies, practices, and debates. *Matsuyama University Studies in Language and Literature*. Vol. 29, no. 2, P. 1-19.

19. Merry M.S. (2009) Patriotism, History and the Legitimate Aims of American Education. *Educational Philosophy and Theory*. Vol. 41, no. 4, P. 378-398. (In Russ) DOI: 10.1111/j.1469-5812.2007.00363.x.

20. Merton, R. (1968) *Social Theory and Social Structure*. N.Y.: Free Press. 698 p. (In Russ)

Сведения об авторе:

Пихтелев Алексей Михайлович, заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела – начальник научно-исследовательского отделения Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии, кандидат социологических наук, адрес: 410023, г. Саратов, ул. Московская, д. 158. SPIN-код: 8724-7322, AuthorID: 887907, ORSID: 0000-0002-9982-4610, e-mail: pikhtelev.a@bk.ru.

About the author:

Pikhtelev Alexey Mikhailovich, deputy head of the research and editorial and publishing department - head of the research department of the Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of National Guard Troops, candidate of sociological sciences, address: 410023, Saratov, Moskovskaya St., 158. SPIN-код: 8724-7322, AuthorID: 887907, ORSID: 0000-0002-9982-4610, e-mail: pikhtelev.a@bk.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор утвердил окончательный вариант статьи.

The author declares no conflict of interest.
The author has approved the final version.

© Pikhtelev A. M., 2026

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons NonCommercial license *https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/*